

УДК 821.512.111.09
ББК 83.3(2=635.1)

Научная статья

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЧУВАШСКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУР (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

А. Ф. Мышкина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
alb-myshkina@mail.ru

Аннотация. Любая национальная литература имеет свое лицо в виде характерных именно для нее идейно-тематических и жанрово-стилевых направлений, то есть уже устоявшихся эстетических традиций. Цель исследования — изучение национальной литературы как части мировой культуры в контексте диалога литератур для выявления идейно-тематических и жанрово-стилевых типологических параллелей. Данное направление является актуальным с точки зрения соотношения национальных и мировых художественных тенденций. В качестве материалов привлечены научные исследования отечественных и чувашских литературоведов по проблемам межлитературного диалога, национальной идентичности, своеобразия национальной литературы и жанрово-стилевых особенностей зарубежной, отечественной и чувашской литератур. В работе, основываясь на трудах отечественных ученых, устанавливаются виды межлитературного диалога, поднимаются вопросы изученности его в чувашской литературоведческой науке. Также намечены перспективы дальнейших исследований в области художественных взаимосвязей чувашской и мировой литератур.

Ключевые слова: диалог литератур, культурный код, менталитет, социально-криминальный роман, черный реализм, литература факта, магический реализм, литература шрамов

Для цитирования: Мышкина А.Ф. Идейно-эстетические связи чувашской и мировой литератур (к постановке проблемы) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 91 — 103

© Мышкина А. Ф., 2025

Scientific article

IDEOLOGICAL AND AESTHETIC CONNECTIONS BETWEEN CHUVASH AND WORLD LITERATURE (TO POSE THE PROBLEM)

A.F. Myshkina

Chuvash State institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
alb-myshkina@mail.ru

Abstract. Any national literature has its own face in the form of ideological-thematic and genre-stylistic trends that is, already established aesthetic traditions. The purpose is to study national literature as a part of world culture in the dialogue of literatures in order to identify ideological, thematic and genre-stylistic typological parallels. This direction is relevant from the point of view of the correlation of national and global artistic trends. The scientific studies of Russian and Chuvash literary scholars on inter-literary dialogue, national identity, the originality of national literature and genre and stylistic features of foreign, domestic and Chuvash literature

were used as research materials in this study. The study based on the works of Russian scientists raises such issues as the types of inter-literary dialogue, its study in the Chuvash literary science as well. The prospects for further research in the field of artistic interrelations of Chuvash and world literature have been outlined.

Keywords: dialogue of literatures, cultural code, mentality, socio-criminal novel, black realism, literature of fact, magical realism, literature of scars

For citation: Myshkina A. F. Ideological and Aesthetic Connections between Chuvash and World Literature (to pose the Problem) // Modern humanities. 2025;1(2):91 — 103

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ТАТА ТĔНЧЕ ЛИТЕРАТУРИСЕН ИДЕЙĂПА ЭСТЕТИКА СЫХĂНĂВĔСЕМ (ЫЙТĂВА ХУСКАТНИ)

А. Ф. Мышкина

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей Федерацийĕ
alb-myshkina@mail.ru

Аннотаци. Пур наци литературин те шăпах хайне çеç тивĕçтерекен идейăпа тема, жанрпа стиль туртăмĕсем, урăхла каласан — çирĕпленсе çитнĕ илемлĕх йăлисем пур. Пирĕн тĕпчев тĕллевĕ — наци литературине, тĕнче культурин пайне, идейăпа тема, жанрпа стиль типологи пĕр пеклĕхĕсене палăртас тĕллевпе литературăсен диалог сыхăнăвĕнче тĕпчеси. Çак тишкерÿ наци тата тĕнче литературисен илемлĕх туртăмĕсен шайлашăвĕ тĕлĕшĕнчен питех те сивĕч. Тĕпчев ёçĕн тишкерÿ материалĕ шутĕнче — литературăсен диалогне, наци пĕр пеклĕхне, наци литературин хайне евĕрлĕхне, тĕнче, хамăр çĕр-шыв тата чăваш литературисен жанрпа стиль уйрăмлăхĕсене тĕпчесе сырнă Раççей тата чăваш литературовĕсене ёçĕсем. Тĕпчевре Раççей асчахĕсен ёçĕсем çинче никĕсленсе литературăсен диалог тĕсĕсене палăртнă, апа чăваш литература тĕпчев аслăлăхĕнче тĕпченин ыйтăвĕсене çĕкленĕ. Çавăн пекех чăваш тата тĕнче литературисен хушшинчи илемлĕх сыхăнăвĕсене тĕпчес ёрри малаш тĕллевсене палăртнă.

Тĕп сăмахсем: литературăсен диалогĕ, культура кочĕ, менталитет, социо-криминаллă роман, хура реализм, факт литератури, магилле реализм, çĕвек литератури

Цитатăлама: Мышкина А.Ф. Чăваш тата тĕнче литературисен идейăпа эстетика сыхăнăвĕсем (ыйтăва хускатни) // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 91 — 103

Введение

Теоретические и практические проблемы диалога литератур достаточно хорошо разработаны в отечественном литературоведении. Так, исследователи, анализирующие проблемы межлитературного диалога, связывают его с представлением о формах бытия, взаимодействиями разных культур, способами художественной коммуникации. При этом, по их утверждению, «межлитературные связи предполагают не пассивный обмен “влияниями”, а соревновательность, борьбу, в которой утверждает себя то, что лучше соответствует потребностям времени и отвечает имманентным закономерностям литературного развития» [24, с. 57]. То есть диалогу литератур способствуют два существенных условия: достижение народом определенного исторического развития и накопление особого эстетического потенциала самой литературой.

Цель нашей работы — изучение национальной словесности как части мировой культуры в контексте диалога литератур для выявления идейно-тематических и жанрово-стилевых типологических параллелей.

Материалы и методы

Источниками исследования выступили изданные в разные годы работы отечественных и чувашских литературоведов по проблемам межлитературного диалога, национальной идентичности, своеобразия национальной литературы и жанрово-стилевых особенностей зарубежной, отечественной и чувашской литератур. При написании статьи применялись следующие методы: историко-генетический, аналитический и сопоставительный. Историко-генетический метод был использован для анализа зарождения и развития определенных художественных тенденций. Аналитический метод способствовал выявлению скрытых взаимосвязей зарубежной и чувашской литератур. Метод сопоставительного анализа позволил определить некоторые темы, образы, доминирующие жанрово-стилевые направления зарубежной литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

В отечественной науке идею диалога, в частности, диалога культур, впервые выработал в своих трудах русский литературовед, культуролог и философ М. М. Бахтин в первой половине XX в. [3; 4]. Идею диалогичности культур разрабатывал и его ученик В. С. Библер [6; 7]. Исследователи национальных литератур к проблеме диалога обратились в конце XX — начале XXI в. Так, в работах татарского исследователя В. Р. Аминовой сформулированы четыре вида межлитературного диалога: 1) «свое», полемизирующее с «чужим»; 2) «свое», противопоставленное «чужому»; 3) «свое» как переструктурированное «чужое»; 4) «свое», сходное с «чужим». При их обосновании В. Р. Аминина отталкивается от таких понятий, как «свое» (родное, национальное) и «чужое» (неродное, чуждое субъекту). Взаимоотношения «своего» и «чужого» в художественном пространстве исследователь рассматривает на примере татарской и русской литератур, к примеру, на материале лирики татарского поэта Г. Тукая и русских поэтов XIX в. (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова) [1; 2]. В то же время за рамками ее обзора зачастую остается диалог литератур между родственными народами (например, татарами и чувашами) или же мировой и татарской литературами. Тем не менее классификация В. Р. Аминовой на сегодняшний день наиболее перспективна в изучении вопросов диалогичности художественного текста.

В работе Д. Дюришина высказано мнение, что в рамках межлитературных связей уместно изучение внешних и внутренних контактов литературы. При этом «внешние контакты — это те, которые не оказывают видимого прямого воздействия на литературный процесс; а внутренние контакты — те, которые отражаются и проявляются в самой структуре литературного произведения» [10, с. 150]. Для нашего исследования наиболее важны внутренние контакты. В связи с этим весьма интересны наработки башкирского исследователя И. Г. Кульсаринной, которая проблему межлитературного диалога анализирует в рамках башкирско-русских литературных взаимосвязей. Так, в своей работе в качестве самых распространенных форм внутренних контактов литературы она выделяет «подражание, стилизацию, цитацию, реминисценцию, аллюзию, влияние, импульс, перевод и т. д.», а также «такие интегральные формы рецепций, как заимствования, подражания, аллюзии, стилизации, переводы, типологические схождения в проблематике и поэтике, комплексные контактные связи» [17, с. 114].

В исследовании И. Г. Кульсаринной представлена и наиболее плодотворная форма межлитературных взаимодействий — интертекстуальные связи. Как и в случае с В. Р. Аминовой, И. Г. Кульсарина свой исследовательский взор направляет

на диалог национальной и русской литератур. При этом, с учетом сложившейся социокультурной ситуации в нашей стране, особенно в начале XXI в., перед нами встает правомерный вопрос: насколько человек иной национальности воспринимает русскую культуру и ее литературу как «чужую»? Вероятно, межлитературный диалог, имевший значение для литератур, к примеру, XX в., сегодня на просторах российской культуры преобразовывается в диалогичность текста, которая возможна как на уровне произведений разных национальных литератур, так и на уровне произведений одной литературы.

В исследованиях чувашского литературоведа В. Г. Родионова выделены два типа диалогических отношений литератур: типологический и противопоставляющий. Рассуждая о внелитературных факторах, повлиявших, в частности, на чувашскую и татарскую литературы, он пишет: «...письменные культуры татар и чувашей Нового времени сформировались на основе различных (славяно-православных и тюрко-мусульманских) традиций, и они, как части больших миров, резко противопоставлялись друг другу. Оставаясь противостоящими “чужими”, на фоне общих идей Просвещения они выполняли компенсаторные функции и как бы являлись отдельными составными частями целого и единого. Так осуществлялся типологический и противопоставляющий диалог татарской и чувашской литератур до второй половины XIX века» [23, с. 72 — 73]. По мнению ученого, для типологического диалога обязательно наличие третьего субъекта «в форме общего внешнего фактора. Начиная с XVIII века таким общим фактором, оказавшим на культуры народов Урало-Поволжья определенное воздействие, стало Просвещение, пришедшее в Россию из западноевропейских стран» [23, с. 72].

* * *

Заостряя внимание на проблеме нашего исследования, зададимся вопросами: что делает национальную литературу национальной? И в какой мере ключевые элементы национальной идентичности отражаются в поэтике художественного произведения? Мы видим актуальность в разрешении этих вопросов, потому что «художественное произведение дает особые преимущества для исследования как раз национального восприятия и преображения мира. Ибо в нем художник обращается к народной жизни и космосу, в котором она протекает, и строит из этого второй мир. <...> Художественное произведение — это как бы национальное устройство мира в удвоении» [8, с. 52 — 53]. Первоочередными элементами национальной принадлежности произведения считаются его язык и отражение национальных стереотипов восприятия окружающего мира, жизни народа, общества, а также связь человека (автора) с историей своего этноса. Мы придерживаемся мнения Ф. Б. Бешуковой, которая художественное воплощение специфики национального мировидения и самоощущения видит в первую очередь «в сюжетостроении, на структурно-стилевом уровне, в образной системе и в национально-символическом колорите <...> художественных текстов» [5, с. 5].

Определенное решение обозначенных выше вопросов можно найти и в словах Г. И. Федорова, который в своих исследованиях особое внимание уделял эстетическим функциям национального языка. Ученый пишет: «...Слово в чувашской литературе — это не то, что стало присущим, скажем, для литературы других, европейских народов. <...> Слово чувашское между тем всегда насыщено и уплотнено национально-культурными образами, иносказательными возможностями, органическое его естество — это как раз обращенность ко многим

и многим людям, заявка на диалог, а отнюдь не индивидуализм, отъединенность от людей, не нарастающая автономность личности, подвигающая ее к одиночеству» [26, с. 289]. Именно такая особенность языкового менталитета чувашского народа требует от писателя обезличивания, «растворения» в тексте, «не выпячивания» своей личности на страницах произведения.

Считаем уместным вновь обратиться к исследованиям Г. И. Федорова, который весьма емко определил значение любой национальной литературы в мировой культуре: «...каждая литература имеет свой эстетический потенциал, определяемый особенностями “месторазвития” и “местопространства”, характером национальной жизни, народной философии и т. д. И это, оказывается, совершенно не зависит от того, насколько тот или иной народ мал или велик, близко или далеко он отстоит от европейских культур, которым якобы предрешено быть эталоном для других, “малых” цивилизаций» [26, с. 6]. Данное высказывание призывает исследователя к особому подходу при изучении национальных и мировых литератур, а именно — воспринимать и рассматривать их как равнозначные, равноправные в эстетическом плане объекты. Естественно, у каждой литературы свой исторический путь, у кого-то он длиною в несколько веков, у кого-то — лишь одно столетие. Тем не менее и этот факт не влияет на художественное сознание как всего народа, так и отдельного писателя, который в любом случае выступает выразителем национального художественного мировоззрения.

Чувашская проза конца XX — начала XXI в., подобно многим национальным литературам России, имеет как типичные, так и не характерные для нее черты, выражающиеся в уникальных идеях, сюжетах, образной системе, жанрово-стилевом разнообразии, поэтических средствах и т. д. Поскольку в этот период произошел отказ от метода социалистического реализма в художественном творчестве, в литературе открылись благоприятные условия для эстетического прорыва, художественных открытий и откровений писателя. В числе чувашских авторов, оказавшихся в авангарде литературных поисков в данный период, следует назвать имена Б. Чиндыкова, А. Тарасова, А. Емельянова, Г. Федорова, Н. Петровской, М. Карягиной, Н. Ильиной, В. Степанова и др. В этом ряду особо выделился В. Степанов, который обогатил чувашскую прозу нетипичными для нее жанрово-стилевыми образцами. Так, «он является автором “мистико-эротического триптиха” <...>, “романа-киллера” <...>, этнофэнтези, мистических <...>, фантастических рассказов, монологов от лица известных личностей, эссе на философские и исторические темы» [20, с. 395].

В современном мире наблюдаются процессы глубокой интеграции национальных культур на уровне отдельных стран и глобализация всех сфер (экономической, информационной, социальной, эстетической и т. д.) жизни в масштабах всей планеты. Естественно, такие обстоятельства, с одной стороны, являются благоприятной почвой для развития отдельно взятой национальной литературы, которая получает доступ к эстетическим открытиям других литератур. С другой стороны, это путь к утрате своей национальной идентичности. Влияние процессов глобализации на национальную идентичность в литературе на сегодняшний день наиболее явственно проявляется в западной культуре. По мнению исследователей, «глобализация в литературе привела к тому, что современные художественные произведения потеряли национальную самобытность, свойственную им национальную уникальность. Передовые позиции в мировой литературе заняла массовая литература, направленная на извлечение большой выгоды» [9, с. 20].

Подобная ситуация несет эстетическую угрозу всей поэтике произведения, меняет ориентиры читательского вкуса. Именно поэтому очень часто «неважно к какой литературе принадлежит произведение (русской, английской, американской или французской), оно узнаваемо по сюжету, по типажам, по коллизиям» [9, с. 20].

* * *

В рамках данного исследования нам интересно установление возможных или же реальных связей чувашской литературы с мировой литературой, как западной, так и восточной, а также латиноамериканского региона. Важно наметить пути проникновения или же параллельного возникновения жанрово-стилевых, тематических особенностей. Значимо выявить круг авторов — мировой и чувашской литературы, у которых присутствуют потенциальные совпадения на уровне создания конфликта, сюжета, художественных образов, главного героя.

Любой межлитературный диалог формируется, в первую очередь, на уровне конкретного писателя и его конкретного произведения. Вместе с тем разные сами по себе писатели и их произведения всегда объединяются вокруг различных литературных направлений. Очень часто эти направления имеют общемировой характер, но в каждой отдельно взятой литературе, благодаря конкретным авторам, проявляются по-своему оригинально.

Одной из значимых для мировой культуры нового времени (XVI — XIX вв.) словесностей европейского континента являлась английская (британская) литература. И на современном этапе ее роль в эстетических процессах художественного творчества ощутимо велика. Однако нам видится уместней рассматривать ее в контексте всей западноевропейской культуры. Так, в западноевропейской литературе XIX в. наибольшую популярность получил социально-криминальный роман, основоположником которого стал французский писатель Эжен Сю. Анализируя его жанровые особенности, исследователи отмечают: «... вполне закономерно ожидать, что сюжет социально-криминального романа будет насыщен всевозможными преступлениями. Многообразие их призвано продемонстрировать авторское понимание “основных противоречий и отрицательных свойств современного общества одинаково в преступности и в государственной системе борьбы с нею” (Н.Д. Тамарченко)» [25, с. 21]. Все это говорит о том, что в подобных произведениях криминал сам по себе необходим для углубления морально-нравственных качеств героя, исследования этических устоев общества. В этом плане данный жанр в корне отличается от детективного жанра, где факт преступления, чаще убийство, становится началом последующих криминально-приключенческих событий и, самое важное, толчком к началу расследования его следователем или детективом (неважно, профессионалом или любителем). Вместе с тем и социально-криминальный, и детективный романы являются разновидностями криминальной прозы.

В силу объективных причин подобный жанр в чувашской литературе появился или же мог появиться лишь в конце XX — начале XXI в. Естественно, эстетические параллели между произведениями английских писателей (романист и политик Эдвард Бульвер-Литтон, журналист, политический философ и романист, драматург Уильям Годвин, романист Уильям Эйнсворт, репортер, эссеист и романист Чарльз Диккенс¹) с произведениями чувашских авторов (Д. Гордеев,

¹ Мы сочли уместным акцентировать внимание на сферах деятельности названных писателей, так как видим связь между деятельностью вне литературы и жанровыми особенностями их произведений.

С. Павлов, А. Казанов и др.) могут быть случайными. Как бы там ни было, социально-криминальный жанр является откликом на исторические события, реакцией на этические ценности общества. Чувашская литература с нравственной «разрухой», криминалом в обществе столкнулась в 1990-х гг. и отреагировала целым пластом произведений, написанных в стиле так называемого «черного реализма»². На наш взгляд, социально-криминальный роман западноевропейской литературы и «черный реализм» чувашской прозы имеют общие точки соприкосновения в плане темы, идеи и конфликта произведения.

Начиная с XIX в. в англоязычной литературе (не только в британской, но и в литературе США) происходит постоянное сближение жанра научной фантастики и мультикультурного контекста. В произведениях фантастического жанра западноевропейские авторы разрабатывают темы колониального расширения границ сферы обитания землян [«Машина времени» (1895), «Война миров» (1897) Г. Уэллса], геноцида инопланетных рас с целью обеспечения человеческого превосходства в космосе [«Возвращение в завтрашний день» (1954) Л. Рона Хаббарда, «Захватчики с Земли» (1958) Роберта Сильверберга, «Слово для леса и мира одно» (1972) Урсулы К. Ле Гуин], вторжения инопланетян в пространство жизнедеятельности человека [«Ксеногенез» Октавии Батлер — романы «Рассвет» (1987), «Обряды взросления» (1988) и «Имаго» (1989), «Алеутская трилогия» (1991 — 1997) Гвинета Джонса] и т. д. Последствия космической колонизации описаны и в американских фантастических романах второй половины XX в. [«Засеянные звезды» (1957) Дж. Блиша, «Цвета космоса» (1963) М. З. Брэдли, «Планиета проклятых» (1962) Г. Гarrisона].

Произведения фантастического жанра в чувашской литературе можно отнести к числу немногочисленных. Такая ситуация, вероятно, связана с особенностями национального мировидения писателей, их эстетического мышления и внутреннего потенциала чувашского языка. Тем не менее оригинальные образцы такой литературы в чувашской словесности появились уже в XX в. (Г. Краснов, М. Сундал, Н. Максимов, Р. Ярандай, В. Енеш и др.). В XXI в. жанровой разнообразностью фантастики для чувашских авторов стали этнофэнтези (В. Степанов, И. Шашкина), фэнтези (О. Австрийская), фарс-фантазмагория (В. Николаев). Анализируя рассказы И. Шашкиной («Вищё хёвел» / «Три солнца») и О. Австрийской («Миххи пёви» / «Пруд Миххи»), В. В. Никифорова делает предположение о том, что «данные рассказы-этнофэнтези, фэнтези <...> нужно классифицировать как фантастические рассказы. Они создаются на стыке рассказа и литературной сказки, развивают национальные сказочные и мифологические сюжеты в контексте современности» [21, с. 110].

Одной из ведущих тенденций современной литературы стало тяготение к жанру литературы факта, то есть к созданию таких произведений, в основе которых лежат реальные события, непридуманнные человеческие судьбы, документальные свидетельства, эго-документы³. При этом причины обращения к этому

² Этот термин был введен американским писателем и журналистом Биллом Буфордом для обозначения литературного направления, возникшего в США в 1980-х гг. Его особенностью является изображение порочных и более обыденных аспектов повседневной жизни.

³ Термин «эго-документы» в научный оборот был введен в конце XX в. нидерландским историком Якобом Прессером. Таким образом он предложил называть группу источников, написанных от первого лица, то есть исходящих от конкретного человека (дневники, письма, записные книжки, мемуары, автобиографии).

жанру у каждой национальной литературы своя. К примеру, «в хорватской литературе сложилась своя традиция восстановления и сохранения национальной и личной памяти. Она связана, прежде всего, с автобиографической прозой, получающей распространение с 1970-х гг., когда после массового национального движения в стране установился жесткий репрессивный режим» [13, с. 17]. Расцветом «невывмышленных форм» в хорватской литературе стала вторая половина 1990-х гг., существенным пластом оставался и в романах 2010-х гг., вобрав в себя черты социального, семейного и документального романских жанров (С. Дракулич, М. Ергович, С. Шнайдер, Д. Дрндич, Т. Громача). В этом ряду литературы факта также можно назвать автобиографический роман писателя словенско-сербского происхождения Феликса Плохла «Все мои грехи», «написанный в словенской тюрьме Доб, где автор отбывал наказание за совершенное в 1994 г. непреднамеренное убийство в боснийском городе Бихач» [15, с. 37]. Анализируя роман «Все мои грехи», исследователи отмечают: «Произведение отчасти напоминает жанр криминального романа, однако элементы последнего здесь служат скорее своеобразным контекстом, на фоне которого разворачивается очень личная история. Это необычное сочетание жанров автобиографии и детектива представляет особый интерес, поскольку оба пользуются исключительной популярностью в словенской литературе в последние годы и представляют собой отдельное явление» [15, с. 40].

К жанру литературы факта следует отнести и новый тип латиноамериканской литературы — свидетельства⁴, названный позже «новый веризм»⁵. Как отмечают исследователи, в основе данного направления «лежит особая трактовка документальности. Обычно под “документальностью” понимается подлинность, фактичность изображаемого, однако для литературы свидетельства это понятие не исчерпывается одной лишь верностью реальной действительности, но подразумевает эстетическое отражение самой жизненной основы. Происходит полный отказ от вымышленных персонажей и событий; в текст переносятся объекты внеязыковой реальности — подлинные события, люди, географические названия, даты. Иначе говоря, конкретные исторические реалии становятся самостоятельным и самодостаточным материалом произведения, а не просто основой для создания художественных образов» [11, с. 280].

В современной чувашской прозе в разрезе литературы факта наибольшую значимость приобрели автобиографическая (С. Павлов, А. Трофимов, Г. Алимасова, А. Мышкина), документальная (В. Савельева, В. Савелькин, Р. Прокопьева) и военная (А. Хмыт) повести [22]. Мы согласны с В. В. Никифоровой, которая так называемую «военную прозу» причисляет к литературе факта. «Формат *vărsă povestě* (военная повесть) очень близок документальной и автобиографической. Действие в данных повестях разворачивается в годы войны, либо из рассказов сегодняшнего дня переносится в то военное время и обстоятельства» [22, с. 143]. Вместе с тем, считаем нужным подчеркнуть, к литературе факта относится не любое сочинение, а лишь те, в которых наиболее явен фактический материал. В этом плане военные повести А. Хмыта соответствуют ее жанровой поэтике.

Литературу восточного и азиатского региона уместнее рассматривать вместе, потому что, несмотря на генетическую связь чувашского языка и культуры с на-

⁴ Начало этому направлению положил кубинский писатель Мигель Барнет, опубликовав в 1966 г. знаменитое произведение «Биография беглого раба-негра».

⁵ Впервые термин был использован колумбийским критиком К. Ринконом в 1978 г.

родами этих регионов, современная чувашская литература в плане жанра, темы, художественных коллизий главным образом нацелена на культурные ценности и эстетические открытия Европы. Подобная ситуация связана с тем, что с момента зарождения (вторая половина XIX в.) профессиональной (авторской) чувашской литературы она равнялась, впитывала, заимствовала, училась у русской литературы, которая в свою очередь была западно ориентированной. И лишь некоторые чувашские писатели (в основном это поэты) обращали свой взор в сторону восточного и азиатского региона.

Интересным явлением Восточной Азии конца XX в. стала так называемая «литература шрамов», «которую в Китае называют “литературой крови и слез” <...>, принято вести отсчет китайской “литературы нового периода” <...>. Основная проблематика “литературы шрамов” — осуждение репрессий и произвола хунвэйбинов во время “культурной революции”, предательство близких, трагические судьбы интеллигенции, нравственные ориентиры молодого поколения, сбитые под влиянием политической пропаганды» [14, с. 82]. Как отмечают исследователи, ее появление «во многом стихийный процесс, когда пострадавшие от “культурной революции” люди выплескивали на страницы литературных произведений, нередко основанных на автобиографическом материале, свою боль, делились своим горьким опытом» [14, с. 82].

Аналогичного явления в чувашской прозе не было. Тем не менее в конце XX столетия свое отражение и осмысление в ней получил период сталинских репрессий, который способствовал как физическому, так и моральному уничтожению «неугодной» части интеллигенции и простого народа. Многие из подобных произведений в чувашском литературоведении традиционно относят к художественно-публицистической, философско-публицистической (А. Емельянов, Л. Таллеров) или к художественно-философской (А. Тарасов) прозе.

Анализируя чувашскую литературу конца XX в., исследователи подмечают появление в ней нового направления — «женской прозы» [18; 19]. Восточная литература, несмотря на свои строгие каноны в культуре, не осталась в стороне в этом вопросе. Так, «расцвет профессиональной женской литературы в Китае пришелся на вторую половину 1980 — 1990-х гг., когда на литературную сцену вышла группа ярких писательниц (Ван Аньи, Чжан Цзе, Цань Сюэ, Те Нин, Сюй Кун и др.), которые успешно конкурировали с мужчинами во многих жанрах» [16, с. 93]. При этом, как и в чувашской культуре, китайские женщины-писательницы не являются феминистками. Такую их черту исследователи выделяют особо: «Данные писательницы представляли новые образы героинь, осознающих свою ценность как женщины и исследующих свой внутренний мир, что привело к тому, что многие западные исследователи причисляли их творчество к феминистическому, хотя Ван Аньи и Те Нин неоднократно высказывались, что таковыми себя не считают. Необходимо учитывать национальные особенности китайского феминизма, и феминистическое сознание несомненно нашло отражение в женской литературе нового периода, но в довольно мягком варианте» [16, с. 93].

В контексте латиноамериканских и чувашских литературных общностей можно выделить направление «магический реализм»⁶. «Родоначалниками “ма-

⁶ По отношению к литературе термин впервые был применен французским критиком Эдмоном Жалу в 1931 г.

гического реализма” в самой латиноамериканской литературе стали кубинский писатель Алехо Карпентьера-и-Вальмонт <...> с его повестью “Царство земное” и Мигель Анхель Астуриас с романом “Люди маиса” (оба произведения датируются 1949 годом)» [12, с. 2025]. В числе наиболее ярких представителей данного направления также выступают писатели — перуанец Х. М. Аргедас («Глубокие реки», 1958), парагваец А. Роа Бастос («Сын человеческий», 1959), мексиканцы Хуан Рульфо и Карлос Фуэнтес, колумбиец Г. Гарсиа Маркес («Сто лет одиночества», 1967). Схожую с магическим реализмом поэтику можно обнаружить в произведениях чувашских писателей Н. Петровской, Е. Нарби и др.

Заключение

Проблема диалога литератур охватывает как внутрилитературные, так и внелитературные факторы. Внутрилитературные взаимосвязи происходят на уровнях сюжетостроения, структурно-стилевом, образной системы и национально-символического колорита. К внелитературным факторам можно отнести социально-политические, исторические процессы, а также географическое местоположение. Степень влияния этих факторов на конкретную литературу всегда индивидуальна.

В межлитературных связях чувашской прозы с зарубежными литературами прочерчиваются несколько явных направлений, которые интересны с точки зрения общности и уникальности художественных поисков литератур. В их числе было выявлено: военная проза, криминальная проза и черный реализм, жанр фантастики и этнофэнтези, литература факта, женская проза, магический реализм и мистическая проза. Вместе с тем в мировой литературе множество художественно-эстетических явлений, представляющих интерес для чувашской прозы в контексте межлитературного диалога. А именно: «галлюцинаторный реализм» (китайская литература); жанровые разновидности — микророман-новелла (английская литература), микророман-откровение (немецкая литература), микророман-комментарии (французская литература), жанр романетто (чешская литература) и т. д. Исследование этих жанров является перспективным направлением в русле расширенного изучения межлитературного диалога чувашской и мировой литератур и выявления уникальности национальной словесности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аминова В. Р. М. Ю. Лермонтов и Г. Тукай: к вопросу о структурно-содержательных особенностях межлитературных текстовых образований // Филология и культура. 2012. № 2. С. 7 — 10.
2. Аминова В. Р. Лирика Г. Тукая в межлитературном контексте // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 180 — 188.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советский писатель, 1963. 363 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
5. Бешукова Ф. Б. Теоретические предпосылки формирования концепции национальной идентичности в мировой литературе // Сохранение национальной идентичности художественной литературы в условиях глобализации: вызовы, проблемы, методы исследования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала : Изд-во АЛЕФ, 2023. С. 4 — 10.
6. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. Москва : Политиздат, 1990. 413 с.
7. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. Москва : Прогресс, 1991. 176 с.
8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Москва : Советский писатель, 1988. 448 с.
9. Джамбекова Т. Б., Мурадова А. К. Глобализация и национальная идентичность в зарубежной литературе // Сохранение национальной идентичности художественной литературы в условиях глобализации: вызовы, проблемы, методы исследования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала : Изд-во АЛЕФ, 2023. С. 18 — 22.

10. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. Москва : Прогресс, 1979. 317 с.
11. Иванова де Мендоса Ж. М. «Новый веризм» и литература свидетельства в латиноамериканской литературе конца XX века // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 276 — 295.
12. Ильина Л. Е. Магический реализм как отличительная особенность латиноамериканской литературы // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции. Оренбург : Оренбургский госуниверситет, 2016. С. 2025 — 2028.
13. Ильина Г. Я. Литература повседневности в русской и хорватской современной прозе // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова. Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 10 — 26.
14. Коробова А. Н. «История о тяжелой деформации личности» — современная китайская критика о «литературе шрамов» // Тезисы докладов Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (Москва, 2 — 3 июня 2022 г.). Москва : ИКСА РАН, 2022. С. 81 — 84.
15. Красовец А. Н. Роман Феликса Плохла «Все мои грехи» (Любляна, 2019) как автобиография преступника // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений) / под общ. ред. И. Е. Адельгейм. Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 37 — 53.
16. Куликова А. А. Гендерный вопрос в современной китайской женской прозе 1990 — начала 2000-х годов // Тезисы докладов Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (Москва, 2 — 3 июня 2022 г.). Москва : ИКСА РАН, 2022. С. 92—95.
17. Кульсарина И. Г. Русско-башкирский межлитературный диалог // Ватандаш. 2019. № 9 (276). С. 114 — 127.
18. Мышкина А. Ф. Сыравсан ама несёллех курамё е литературан илемлех тёнчи («хёрарам прози» аялав тавра шухашлани) // Вёренё аталанавё. 2022. 5 т. 1 №. С. 10 — 14.
19. Никифорова В. В. Чувашская женская проза в контексте современной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 1. С. 67 — 71.
20. Никифорова В. В. Национальные жанровые формы в современной чувашской и татарской прозе // Татары и чувашы — ветви одного древа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань, 7 — 8 октября 2021 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев, Р. Р. Исхаков. Чебоксары : Новое время, 2021. С. 393 — 399.
21. Никифорова В. В. Малые формы современной чувашской прозы // Чувашский гуманитарный вестник. 2022. № 17. С. 104 — 123.
22. Никифорова В. В. Чувашская повесть начала XXI века и ее жанровые разновидности // Чувашский гуманитарный вестник. 2023. № 18. С. 135 — 151.
23. Родионов В. Г. Межлитературный диалог татарского и чувашского народов (вторая половина XIX — начало XX века) // Tatarica. 2015. № 1 (4). С. 67 — 76.
24. Седельник В. Д. Категория межлитературности и проблема национальной принадлежности писателя (на примере Швейцарии в ее взаимосвязях с родственными по языку странами) // Studia Litterarum. 2016. Т. 1. № 1 — 2. С. 47 — 72.
25. Угрехелидзе В. Г. Жанр социально-криминального романа (к постановке вопроса) // Новый филологический вестник. 2006. № 2. С. 19 — 28.
26. Федоров Г. И. Художественный мир чувашской прозы 1950 — 1990-х годов: монография. Чебоксары : ЧГИГН, 1996. 304 с.

REFERENCES

1. Amineva V. R. M. Y. Lermontov and G. Tukai: the issue of structural and substantive features of inter-literary textual formations // *Philology and Culture*. 2012(2):7 — 10. (In Russ.)
2. Amineva V. R. The lyrics of G. Tukai in the inter-literary context // *Knowledge. Understanding. Ability*. 2015(2):180 — 188. (In Russ.)
3. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow;1963:363. (In Russ.)
4. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow;1986:445 p. (In Russ.)
5. Beshukova F. B. Theoretical premises for the formation of national identity concept of in world literature // Preservation of national identity of fiction in the context of globalization: challenges, problems, research methods: the collection of materials of the All-Russian Scientific-practical conference. Makhachkala;2023:4 — 10. (In Russ.)
6. Bibler V. S. From Epistemology to the logic of culture: Two philosophical introductions of the twenty-first century. Moscow;1990:413. (In Russ.)

7. Bibler V. S. Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or the Poetics of culture. Moscow;1991:176. (In Russ.)
8. Gachev G. D. National images of the world. Moscow;1988:448. (In Russ.)
9. Dzhambekova T. B., Muradova A. K. Globalization and national identity in foreign literature // Preservation of national identity of fiction in the context of globalization: challenges, problems, methods of research: the collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Makhachkala;2023:18 — 22. (In Russ.)
10. Durishin D. Theory of Comparative Study of Literature. Moscow;1979:317. (In Russ.)
11. Ivanova de Mendoza J. M. “New Verismo” and the literature of testimony in Latin American literature of late XX century // Literature of the Two Americas. 2019(6):276 — 295. (In Russ.)
12. Ilyina L. E. Magical realism as a distinctive feature of Latin American literature // University complex as a regional center of education, science and culture: the materials of the All-Russian scientific and methodological conference. Orenburg;2016:2025 — 2028. (In Russ.)
13. Ilyina G. Y. Literature of everyday life in Russian and Croatian modern prose // Vector of non-fiction in modern literatures of Central and South-Eastern Europe / ed. by N. N. Starikova. Moscow;2018:10 — 26. (In Russ.)
14. Korobova A. N. “The story of severe deformation of personality” — modern Chinese criticism about “scar literature” // the abstracts of the International Scientific Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture” (Moscow, June 2 — 3, 2022). Moscow;2022:81 — 84. (In Russ.)
15. Krasovec A. N. Felix Plohla’s novel “All My Sins” (Ljubljana, 2019) as an autobiography of a criminal // Literature in the sociocultural space of modern Central and South-Eastern Europe: axiological discourse. On the 90th anniversary of Galina Yakovlevna Ilyina (on the materials of the III Khorev readings) / ed. by I. E. Adelheim. Moscow;2021:37 — 53. (In Russ.)
16. Kulikova A. A. Gender issue in contemporary Chinese women’s prose of 1990 — early 2000s // the abstracts of the International Scientific Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture” (Moscow, June 2 — 3, 2022). Moscow;2022:92 — 95. (In Russ.)
17. Kulsarina I. G. Russian-Bashkir inter-literary dialogue // *Vatandash*. 2019;9(276):114 — 127. (In Russ.)
18. Myshkina A. F. *Çyравçан ama nesëllëh kurämë e literatyrän ilemlëh tënchi* (“khëraräm prozi” änlav tavra shukhâshlani) // *Vëreny atalanävë*. 2022;5(1):10 — 14. (In Chuv.)
19. Nikiforova V. V. Chuvash women’s prose in the context of modern literature // Philological Sciences. The questions of theory and practice. 2020;13(1):67 — 71. (In Russ.)
20. Nikiforova V. V. National genre forms in modern Chuvash and Tatar prose // the Tatars and Chuvash peoples are the branches of the same tree: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Cheboksary, Kazan, October 7 — 8, 2021) / edited by G. A. Nikolaev, R. R. Iskhakov. Cheboksary;2021:393 — 399. (In Russ.)
21. Nikiforova V. V. Small forms of modern Chuvash prose // *Chuvash humanitarian vestnik*. 2022(17):104 — 123. (In Russ.)
22. Nikiforova V. V. Chuvash narrative of early 20th century and its genre varieties // *Chuvash Humanitarian Vestnik*. 2023(18):135 — 151. (In Russ.)
23. Rodionov V. G. Inter-literary dialogue of the Tatar and Chuvash peoples (second half of 19th — early 20th century) // *Tatarica*. 2015;1 (4):67 — 76. (In Russ.)
24. Sedelnik V. D. The category of inter-literature and the nationality problem of the writer (the example of Switzerland in its interrelationship with language-related countries) // *Studia Litterarum*. 2016;1(1 — 2):47 — 72. (In Russ.)
25. Ugrekhelidze V. G. Genre of social-criminal novel (issue articulation) // *New Philological Messenger*. 2006(2):19 — 28. (In Russ.)
26. Fedorov G. I. Artistic world of Chuvash prose of the 1950s — 1990s: Monograph. Cheboksary;1996:304. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 12.05.2025

Информация об авторе:

Мышкина Альбина Федоровна, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
доктор филологических наук, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 28.04.2025;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 12.05.2025

Information about the author:

Albina F. Myshkina, leading researcher of the Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
doctor of Philological Sciences, associate professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 28.04.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҫҫӑн 30.04.2025 ырланӑ; 12.05.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Мышкина Альбина Федоровна, Чӑваш патшалӑх гуманитари
ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх аслӑ ӗҫтешӗ
(428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ӑслӑлӑхӗсен докторӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ ҫуккине пӗлтерет.

Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.